

Глава 20: Я возьму свою жену на поклон

Лу Жун отступил на два шага назад и посмотрел на статую бога, завернутую в красную ткань сбоку. Трое рядом с ним были тремя Богами. Тогда кто это?

Мастер Хун, увидев то, чем он думает, сказал: "Нам плевать на эти храмы. Независимо от его Будды и бога, людям в деревне будет предложено поклоняться всему, чему они захотят. И я единственный, кто служит богам, разве этот старик не одинок? Бессмертным, должно быть, тоже нравится, когда здесь оживленно. Но этому богу не нужно, чтобы ты ему поклонялся."

Сидевший рядом с ним Цай рассмеялся и поманил Лу Жуна: "Давай, пойдем домой."

Вместо этого Шэнь Цзицзе стало любопытно, он спросил: "Мастер Хун, чья эта статуя?"

Служитель Хун многозначительно улыбнулся: "Дитя, ты можешь вернуться сюда через несколько лет. Это Юэлао (1). Возвращайся сюда, когда захочешь найти жену, или, если найдешь, можешь привести ее, чтобы укрепить отношения."

(Юэлао (ㄩㄝㄥˋ/уэ̀lǎo) или Лунный старец — божество браков, покровитель сватовства, можно сказать китайская версия Купидона. Под покровом ночи он связывает двух людей красными нитями, несмотря ни на что в будущем связанные нитью станут супругами.)

Шэнь Цзицзе не знал кто такой Юэлао, но он знал, кто такая жена. Встретив насмешливые взгляды взрослых, он притворился, что спокойно смотрит на другие статуи, но его уши втайне покраснели.

Лу Жун заметил его ненормальность и с любопытством уставился на него. Шэнь Цзицзе протянул руку и осторожно повернул его голову в сторону.

После того, как они втроем покинули храм и спустились с горы, Лу Жун начал приставать к дедушке, спрашивая о возникших в сердце сомнениях.

"Дедушка, кто такой Юэлао? Почему мастер Хун хочет, чтобы мой гэгэ снова поклонился, когда он захочет найти жену? Разве ты не можешь поклоняться, не ища жену?"

Дедушка Цай нес бамбуковую корзину, с улыбкой спускаясь по лестнице, одними губами произнес: "Потому что Юэлао благословит твоего гэгэ Сяо Цзе и его жена, чтобы любить друг друга до самой старости."

"О..." — Лу Жун кивнул, будто понимая.

"Ой, я не могу больше с вами идти, такие медленные," — Шэнь Цзицзе нетерпеливо ускорил

шаги и вместо того, чтобы держать Лу Жуна за руку, сам побежал вниз по ступенькам.

Дед Цай знал, что ему было неловко, потому не беспокоил его. Он только сказал ему погодя: "Не беги так быстро, будь осторожен, чтобы не упасть."

Лу Жун некоторое время молча размышлял, его глаза загорелись, он тихо спросил: "Дедушка, могу ли я в будущем взять свою жену на поклон и также быть любимым?"

Дедушка Цай был поражен, а затем вдруг громко рассмеялась, задыхаясь от смеха и начиная кашлять. Только когда на лице Лу Жуна постепенно проступил гнев, он улыбнулся и сказал: "Прости, мое дитя тоже может привести свою жену на поклон, он благословит вас, чтобы вы вместе состарились."

"Тогда почему ты смеешься?" — Лу Жун поджала губы с обвиняющим лицом.

Цай поспешно сказал: "Больше не смеюсь, дедушка больше не будет смеяться," — он неохотно убрал улыбку и коснулся макушки мягких волос Лу Жуна: "О, мой ребенок похож на нежную горошину, а уже думает о своей жене."

"Я не нежная горошина, я маленькая нежная луковица."

"Да, да, да, ты маленькая луковица," — дедушка Цай снова начал кашлять.

Вернувшись домой, дед Цай пошел в деревенский комитет, а двое детей начали делать домашнее задание, сидя лицом к лицу за этим столом.

Лу Жун достал учебник по математике, чтобы решить задачу. Шэнь Цзице уже закончил писать сочинение, которое отец наказал ему писать о больнице, и приступил писать второе.

"Моя одноклассница Сяо Мин, с красным, как яблоко, лицом, большими глазами, сияющими мудростью..."

Он использовал это начало бесчисленное количество раз, слова запечатлелись в его сердце, кончик ручки быстро шуршал на бумаге.

Лу Жун закончил вопрос, поражаясь скоростью его рук. Некоторое время он смотрел на тетрадь в клеточку и восхищался: "Гэгэ, ты так быстро пишешь."

"Если ты будешь усердно учиться, то станешь таким же, как твой брат." — ответил Шэнь Цзице, не поднимая головы.

“Что ты написал? Это о походе в храм?” — Лу Жун вспомнил, что сначала тот попросил его хорошенько рассмотреть статуи, сказав, что это важный материал.

Шэнь Цзицзе: “Да, обычно все интересное является моим материалом для эссе.”

Лу Жун высунулся из-за стола, чтобы прочитать сочинение Шэнь Цзицзе, но тот прикрыл его.

“Не смотри на мое, напиши внимательно свои собственное.”

Лу Жун ошеломленно сел и взял в руки ручку, а затем снова спросил: “У тебя заданы какие-то сочинения на каникулы?”

“Да, я должен написать пять.”

Шэнь Цзицзе торжественно сказал: “То, что мы пережили сегодня, очень интересно. Ты можешь записать это, тщательно описывая внешний вид статуй.”

“Что ж, я понял,” — Лу Жун серьезно кивнул.

Шэнь Цзицзе старчески вздохнул, опустил голову и продолжил писать.

“...Сяо Мин сказал: не имеет значения, сдашь ли ты экзамен один раз, главное, чтобы ты усердно работал в будущем. Выслушав это, я вытер слезы со своего лица и принял решение...”

Закончив с домашним заданием, они вдвоем отправились к реке. Поскольку он больше не осмеливался спускаться к реке купаться, он присел под старой ивой, опустив ноги в прохладное мелководье.

Шэнь Цзицзе взял несколько камней и бросил их по воде, прищурившись, наблюдая за цепочкой брызг, прыгающих вперед. Внезапно протянулась маленькая ручка, держащая на белой ладони круглый плетеный шарик: “Гэгэ, держи.”

“Этот мяч неплох,” — небрежно сказал Шэнь Цзицзе.

Лу Жун потрясенно посмотрел на него, не веря своим ушам: “Это не мяч!”

“Не мяч?” — Шэнь Цзицзе взял его и взвесил: “Чем это не похоже на мяч?”

Лу Жун почесал лицо и, наконец, сказал: “Это олененок, которого я сделал.”

“Олененок?” — Шэнь Цзице тоже был удивлен: “Где здесь олененок?”

“Смотри, внизу четыре ноги и два рога на голове,” — Лу Жун указал пальцем на маленькие бугорки на мяче.

Шэнь Цзице уставился на четыре круглых гнезда на тыльной стороне своей ладони, затем повернул голову и, увидев его длинные ресницы, проглотил возражение.

“Эта нога, кажется, немного коротковата, — тактично сказал он.

Лу Жун тупо спросил: “Слишком короткая?”

Шэнь Цзице поднял руку и потянул за ивовую ветку, затем выбрал самый тонкий конец и, разорвав его на четыре части, вставил под мяч.

“Смотри, это олененок с ножками.”

“И правда, это олененок с четырьмя копытцами,” — глаза Лу Жуна загорелись, и он принял предмет с радостью.

На самом деле Шэнь Цзице показалось, что мяч с четырьмя вставленными ивовыми ветками был похож не на олененка, а на табурет, но когда он увидел любящий взгляд Лу Жуна, он не издал ни звука.

Табуретный олень, просто табуретный олень.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326849>